

вацій (наприклад, канчаткаў *-oŭ/ей* у родным склоне, *-ы/-и* ў вінавальным склоне, *-ымъ/-имъ* у творным склоне адзіночнага ліку прыметнікаў, звязкі *есмо* ў перфекце, замены гука *л* гукам *ў* на канцы дзеяпрыметнікаў, канчатка *-шь* і форм без *т* у дзеясловах цяперашняга часу), адзінкавыя ўжыванні некаторых форм (падвойнае выкарыстанне звязкі *есть есмъ* у перфекце, форма будучага складанага другога *будзе прапала* ў К. Чорнага), шматлікія варыянтныя формы (*кровью-кровию, сторожою-вежею, тотъ-тенъ, идетъ-идеть-буде, одинъ-единъ-одець, три-три-трие*), акрэсліць асаблівасці функцыянавання, станаўлення і развіцця адных варыянтных форм і выцяснення з моўнай практыкі другіх.

Разам з тым трэба адзначыць, што апісанне асобных граматычных форм у беларускай мове XIX—пачатку XX ст. даецца занадта сцісла, часам трымачатырма фразамі без дастатковай дэталізацыі і ўліку фактаў з пісьмовых крыніц, дыялекталогіі і лінгвагеаграфіі (напрыклад, форм назоўнікаў жаночага роду 3-га скланення ў творным склоне адзіночнага ліку, лічэбнікаў *тры, чатыры*).

У сістэме граматычнага ладу беларускай мовы важнае месца займаюць прыслоўі, прыназоўнікі, злучнікі і часціцы. Усе гэтыя класы слоў на працягу многіх стагоддзяў працягвалі вялікія змены. Без уліку іх гістарычная марфалогія не можа лічыцца поўнай. Аднак у рэцэнзуемай манаграфіі памянёныя словы чамусьці зусім не разглядаюцца, аб чым можна толькі пашкадаваць.

Увогуле ж манаграфія А. М. Булыкі, А. І. Жураўскага і І. І. Крамко з'яўляецца грунтоўнай навуковай працай, у якой знайшлі адлюстраванне найвышэйшыя вынікі даследавання гісторыі беларускай мовы ў яе літаратурнай і дыялектнай разнавіднасцях, выявілася шырокая эрудыцыя і кампетэнтнасць аўтараў. Гэтую манаграфію з удзячнасцю сустрэнуць усе спецыялісты-філолагі.

І. К. Германовіч,
В. П. Красней

Мелетий Смотрицкий. Грамматика славенскія правилое синтагма. Підготовка факсимального видання та дослідження пам'ятки В. В. Німчука, Київ, «Навукова думка», 1979.

В истории письменной культуры грамматики и словари занимают особое место. Это не только памятники языка. В грамматиках и словарях наиболее полно выражается отношение людей к языку — представления о том, что такое «правильный», «совершенный» или «должный» язык. Поэтому грамматика или словарь — это всегда памятник не только языка, но и лингвистической идеологии общества. С другой стороны, в грамматиках и словарях запечатлены усилия человека познать язык. Поэтому они ценны еще и как памятники языковедческой мысли, как вехи на одном из

трудных путей самопознания человека.

Издания старинных грамматик и словарей неизменно вызывают интерес широкой общественности. Для языковедов же это волнующие события. Такими событиями в нашей культуре стали подготовленные украинскими учеными издания памятников ранней восточнославянской филологии: репродукция первого печатного восточнославянского букваря Ивана Федорова (1574), факсимальные издания ценнейших старопечатных словарей Лаврентия Зизания (1596) и Памвы Беринды (1627), факсимальное издание уникальной рукописной грамматики Ивана Ужвевича (1647), тщательно подготовленные публикации монументальных рукописных лексиконов Епифания Славинецкого и Арсения Корецкого-Сатановского (середина XVII века).

В 1979 году список раритетов, ставших доступными широкому читателю, пополнился новым памятником восточнославянской филологии — знаменитой грамматикой Мелетия Смотрицкого (1619). «Грамматика Славенскія правилое синтагма, по тианіемъ многогрешнаго мніа Мелетія Смотрицкого...» — лучшая из восточнославянских грамматик, созданных до XVIII века. Прочно связанная с европейской грамматической традицией она во многом превосходит византийские и западноевропейские грамматики своего времени, а по качеству описания церковнославянского языка оставалась непревзойденной вплоть до грамматики И. Добровского.

У грамматики Смотрицкого была долгая и славная жизнь. Она многократно переиздавалась, на ее основе выпускались сокращенные учебники. Ее влияние на грамматики церковнославянского и русского языков сохранялось весь XVIII век. Ломоносов, знавший грамматику Смотрицкого на память, называл ее вратами своей учености. Высок был авторитет грамматики за пределами восточнославянских земель. Она издавалась в Сербии, по ней учились в Румынии и Молдавии, известны болгарские списки грамматики XVII, XVIII, XIX веков, сохранились ее рукописные латинские, английские, шведские переводы.

Издание грамматики Смотрицкого содержит фотомеханическое воспроизведение текста одного из экземпляров памятника, хранящегося в государственной библиотеке имени В. И. Ленина, и в качестве приложения — исследование В. В. Німчука «Грамматика Мелетия Смотрицкого — жемчужина старинного языкознания». В достаточно разнообразной литературе о Смотрицком исследование В. В. Німчука отличается наибольшей подробностью и систематичностью в описании грамматики. В обзоре содержания памятника сохраняется композиция грамматики, ключевые места цитируются, указываются источники и параллели языкового материала и метаязыковых определений; нередко сопоставления языкового материала грамматики с фактами старославянского языка и украинских диалектов. На осно-

ве большого фактического материала раскрыто значение памятника в истории культуры.

В исторических исследованиях всегда интересны люди, делавшие историю, — потому что история в конечном счете пишется ради человеческих, нравственных выводов. Вот почему так скрупулезно воссоздает В. В. Нимчук жизненный путь Смотрицкого. В каких западноевропейских университетах и ближневосточных странах бывал Смотрицкий? Был ли он ректором Киевской братской школы? Почему принял унию? Источники скупы, разрозненны, противоречивы, но эти крупницы сведений о людях далекого прошлого драгоценны. Что волновало книжников XVII века? Случайно ли, что грамматику написал видный церковный деятель, стоявший в центре национально-религиозного сопротивления украинского и белорусского народов полонизации и католицизму, автор полемических богословских трактатов Мелетий Смотрицкий? Ответы В. В. Нимчука тщательно документированы, взвешены и вместе с тем они ставят новые вопросы.

В грамматике Смотрицкого вообще много темного, неразгаданного. Б. А. Ларин говорил, что для него эта грамматика была «самым мучительным чтением из всей древнерусской письменности и литературы». Сложность языка, искусственно архаизированного и вместе с тем испытывающего влияние живой речи, сложность самого метода грамматического изображения языка, вобравшего в себя и традиции европейского грамматического искусства и опыт практического анализа речи говорящими, в сочетании с концентрированностью, снурностью изложения — все это обусловило то, что многие страницы грамматики Смотрицкого еще не прочитаны современной филологией. Проблематика, связанная с дальнейшим изучением памятника, продолжает оставаться актуальной. Она непосредственно затрагивает историю культуры восточных славян и прежде всего — историю их литературных языков и историю восточнославянского языковедения.

Факсимильное издание грамматики Смотрицкого — это несомненно значительное событие в славянской филологии. Его тираж (10 тыс. экз.) намного превышает тиражи узкоспециальных публикаций. И кириллический шрифт, и забытая сейчас композиция наборного листа, и герб князя Богдана Огинского, в чьей типографии в Евье под Вильно была напечатана грамматика, — все в факсимильной грамматике Смотрицкого создает атмосферу музея. Киевские издатели памятника сумели вполне сохранить и передать эстетику старопечатной славянской книги. Здесь все неслучайно: и формат «в осьмушку», и плотная, чуть желтоватая бумага, и узор тиснения на переплете, напоминающий старинные оклады. И все-таки исследователям нужно еще и иное издание памятника — научно-критическое — с анализом его разных редакций, с постраничными

примечаниями, с современным справочным аппаратом. Такое издание потребует исчерпывающей текстологической истории памятника, современного осмысления его значимости в контексте своего времени, культурно-языковой ситуации, в контексте проблем восточнославянской филологии XVII века. Факсимильное издание грамматики Мелетия Смотрицкого и исследование памятника В. В. Нимчуком — необходимый и значительный шаг в этом направлении.

Н. Б. Мечковская

А. А. Дерюгин, Л. М. Лукьянова.
Латинский язык. Изд-во Саратовского университета, 1979, 230 с.

Учебник по латинскому языку А. А. Дерюгина и Л. М. Лукьяновой написан в соответствии с программой курса для историко-филологических факультетов университетов. Учебник включает систематическое изложение грамматики, учебные тексты, хрестоматию оригинальных произведений и поэтических текстов, латинско-русский и русско-латинский словари.

Обращает на себя внимание теоретическая часть учебника. В отличие от других пособий подобного типа в ней предпринята попытка увязать изложение латинской грамматики с материалом других языков, а именно: русским, старославянским, древнегреческим. Ценная инициатива авторов дает основание рекомендовать учебник для работы в первую очередь на филологическом факультете, ибо в нем осуществляется на практике действенный методический прием — взаимосвязь латинского языка с учебными дисциплинами филологического цикла. Междупредметные контакты, как известно, таят в себе дополнительные возможности в развитии познавательной деятельности студентов, воспитании интереса к знаниям. Они помогают преодолевать разобщенность знаний, использовать знания, полученные в процессе изучения одной науки при решении задач другой. И то обстоятельство, что авторы не только доступно и ясно излагают курс латинской грамматики, умело обращаясь в случае необходимости к фактам истории языка, но и привлекают для сравнения материал русского, старославянского и древнегреческого языков, повышает как научную ценность, так и практическую значимость книги.

К особенностям данного учебника относится и то, что в нем традиционное изложение материала об основах римского стихосложения дополнено сопоставлением римской метрики с русской и сведениями о судьбе некоторых античных размеров в русской поэзии.

Учебные тексты представлены как отдельными фразами, так и связными текстами. Подборка их традиционно подчинена грамматическим темам. По своему содержанию и объему они вполне